

Л і т е р а т у р а :

1. Байрон Дж. Г. Лірика / Дж. Г. Байрон / [Упор. і пер. з англ. Д. Паламарчук]. – К.: Дніпро, 1982. – 150 с.
2. Байрон Дж. Г. Твори / Дж. Г. Байрон / [Пер. з англ. В. Богуславської]. – К.: Дух і Літера, 2004. – 366 с.
3. Голубовська І. О. Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу / І. О. Голубовська // Мовознавство. – 2003. – № 6. – С. 61–68.
4. Кочерган М. П. Зіставне мовознавство і проблема мовних картин світу / М. П. Кочерган // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 12–22.
5. Ніконова В. Г. Трагедійна картина світу в поезиці Шекспіра / В. Г. Ніконова. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2007. – 364 с.
6. Фабіан М. П. Зіставна лексична семантика: методика дослідження / М. П. Фабіан // Проблеми зіставної семантики. Зб. наук. ст. Вип. 7. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2005. – С. 134–138.
7. Byron G. Selections From Byron. Lyrical Verse / G. Byron. – М.: Progress Publishers, 1979. – 520 p.
8. Lacoff G. More than cool reason: a field guide to poetic metaphor / G. Lacoff, M. Turner. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

Чепель Н. П.

*Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина*

**ОПУЩЕНИЕ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ**

Общепризнано, что переводчик должен быть не только билингом, но и “бикультурным”. Он должен не только хорошо знать особенности двух культур (т.е. располагать соответствующими фоновыми знаниями), без чего он не сможет ни понять содержание оригинала, ни создать полноценный текст перевода, но и иметь ясное представление о сходстве и различиях в знаниях, взглядах, традициях и ассоциациях, присущих членам обоих культурных сообществ.

В процессе перевода, наряду с сопоставлением различных языковых систем, происходит сопоставление разных культур. Как правило, тексты, адресованные носителю исходного языка, рассчитаны лишь на его восприятие. Они исходят из специфических черт его психологии, доступного ему объема информации, особенностей окружающей его социально-культурной сферы. В процессе перевода текст переадресовывается иноязычному получателю, располагающему другим объемом фоновых знаний. При этом происходит прагматическая адаптация исходного текста, т.е. внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального текста и текста перевода [4, 242].

Целью статьи является анализ случаев использования опущения как способа прагматической адаптации при переводе русских исторических реалий.

Проблема компенсации тех потерь информации, которые могут возникнуть при передаче реалий (как лексических единиц, обозначающих явления, отсутствующие в культуре ПЯ), тесно связана с одной из важнейших категорий прагматики – прагматической пресуппозицией, отражающей асимметрию фоновых знаний, различный социально-культурный опыт носителей ИЯ и ПЯ. Самое непосредственное отношение к проблеме реалий имеет тот класс пресуппозиций, который Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева относят к прагматическим презумпциям, касающимся знаний и убеждений говорящих. “Говорящий, который высказывает суждение S, имеет

прагматическую презумпцию Р, если он, высказывая S, считает Р само собой разумеющимся – в частности, известным слушателю” [1, 39]. Отсюда следует, что понятие прагматической презумпции тесно связано с понятием фоновых знаний, исходных знаний, имплицитно присутствующих в высказывании.

Перевод вносит значительные поправки в прагматические презумпции исходного текста. Если отправитель исходного текста считает Р само собой разумеющимся, следовательно, известным читателю текста оригинала, то из этого еще не следует, что данная прагматическая презумпция остается в силе и для читателя перевода-носителя другого языка и другой культуры [5, 155–156]. Как результат этого – многое, понятное и очевидное для носителей ИЯ, оказывается неясным или вообще непонятным для носителей ПЯ. Безусловно, переводчик не может не учитывать этого в своей деятельности. Следовательно, одним из детерминантов переводческих действий на этапе создания текста перевода является установка на получателя перевода, его фоновые знания, социально-психологические характеристики и культурную среду.

Когда речь идет о переводе, то ни автор оригинала, ни читатель текста перевода, не в состоянии проверить, насколько элементы культурного фонда, представленные в переводе, соответствуют реальному положению вещей, так как оба они находятся по разные стороны культурного барьера. В таком случае вся ответственность возлагается на переводчика, который выступает в качестве эксперта относительно обеих культур – исходной и принимающей. Эту ответственность перед автором и рецептором перевода некоторые исследователи называют *loyalty* (лояльность, верность – термин К. Норд). Реалии культуры ИЯ, т.е. элементы, сигнализирующие о принадлежности текста к культуре иной, чем культура рецептора перевода, как бы фильтруются переводчиком, который может либо оставить их в тексте перевода без изменений, либо адаптировать их к культуре ПЯ [3, 254].

Исследование перевода русских исторических реалий в классических литературных произведениях не может не учитывать специфику художественных текстов, их место в общей типологии текстов и их своеобразии в прагматическом аспекте. В классификации исходных текстов на основе прагматического фактора немецкого лингвиста А. Нойберга художественные тексты занимают особое место как тексты, написанные в первую очередь для носителей ИЯ, но имеющие в то же время и общечеловеческую ценность и, следовательно, обращенные и к более широкой читательской аудитории [2, 198]. Перевод художественных произведений не имеет точного адресата. С точки зрения теории перевода – это “усредненный рецептор”, т.е. типичные представители культуры ПЯ, которые обладают знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива. Переводчики русской классической литературы ориентируются именно на такого обобщенного англоязычного адресата. Его восприятие переводимого текста определяется не личностными характеристиками, а культурно-историческими особенностями данного народа, фоновыми знаниями об исторических реалиях русского языка, которые могут иметься, в принципе, у большинства носителей ИЯ, и отсутствовать, как правило, у большинства носителей языка, на который осуществляется перевод. Очевидно, что во многих случаях появления русской исторической реалии в тексте перевода знания иностранного читателя о ней могут оказаться равными нулю. Для обеспечения адекватного понимания текста рецептором перевода, в частности английским, американским или любым англо-говорящим читателем, необходимо внесение поправок на прагматические различия между ИЯ и

ПЯ. При выборе способа перевода переводчик не может не учитывать прагматическую пресуппозицию, т.е. он должен правильно оценивать общий фонд знаний, информированность, способности понимания предполагаемого рецептора перевода.

Говоря о способах прагматической адаптации при переводе русских исторических реалий на английский язык, необходимо остановиться на опущении реалий. Следует подчеркнуть, что в данном случае мы рассматриваем опущение не как способ перевода реалий (перевод как таковой в данном случае отсутствует), а как один из способов прагматической адаптации, отдельное переводческое решение, связанное с передачей значений реалий.

Обратимся к примерам:

Наконец председатель объявил к слушанию дело об убийстве отставного титулярного советника Федора Павловича Карамазова [7, 417].

At last the President opened the case of the murder of Fyodor Pavlovich Karamazov [13, 418].

– *Господи! Что же такое случилось?* – *прошептал я, входя с замиранием сердца в сени* [8, 29].

“My God! What’s happened here?” I whispered, my heart sinking as I stepped in [14, 96].

– *Сынок! Желанный!* – *вопила, среди гама и дробного топота, старушка в поневе, протягивая руки* [6, 79]

“Oh, sonny! Dear heart!” wailed an old woman, trying to be heard above the uproar and stretching out her arms [12, 105].

В представленных примерах переводческие решения опустить соответствующие реалии, возможно, обусловлены стремлением избежать внесения в текст перевода непонятных для иностранного читателя элементов. Значения русских реалий “сени”, “понева”, “отставной титулярный советник” явно не знакомы иностранному читателю. Поэтому переводчики принимают решение опустить такую информацию в силу ее нерелевантности для рецептора перевода.

Вероятно, подобные изменения, вносимые переводчиком в текст переводимого произведения, ведут к некоторой потере информации, но, в целом, это не препятствует обеспечению адекватного понимания сообщения рецепторами перевода. Заметим, однако, что опущение реалии не всегда может быть “удачным”, в чем можно убедиться из следующих примеров:

Седой румяный кучер почтительно и приветливо снял шапку, как особенно знакомому барину [10, 188].

The gray-haired, rosy-faced coachman saluted him respectfully and pleasantly, like an old acquaintance [16, 190].

В данном примере опущение реалии “барин” приводит к снятию социальной дифференциации между героями повествования, что в свою очередь ведет к искажению смысла описываемой ситуации. Вот еще пример такого же рода:

После них и все домашние. Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Две молодые девушки вели её под руки. Она не в силах была поклониться до земли... [9, 174].

After them came the domestics, among them the two young girls who used to support the countess when she walked about the house; one had not the strength to prostrate herself... [15, 31].

Переводчик не только опускает в тексте перевода незнакомую реалию, но и

полностью изменяет смысл описываемой ситуации.

В следующем примере фраза “*а брал взятки – “по чину”*” как бы подтверждает характеристику героя как честного человека. Союз “*а*” в данном контексте синонимичен союзу “*и*”. А переводчик, пропустив выражение “*по чину*”, наоборот, “уличил” героя во взяточничестве:

Человек он был добрый и честный, а брал взятки – “по чину” – от гривенника до двух целковых включительно [11, 244].

He had been a good and honest man, but had taken bribes – ranging from a twenty-kopek piece to two rubles, inclusive [17, 562].

В приведенных примерах опущение реалий не только обедняет перевод, но даже искажает действительность. В этом убеждает сам контекст, который демонстрирует смысловую и стилистическую нагрузку соответствующих реалий. В большинстве случаев подобное устранение реалий не только снижает художественную ценность перевода по сравнению с оригиналом, лишает его национально-культурного и исторического колорита, присущего подлиннику, но и ведет к нарушению адекватности перевода в целом.

В целом, проведенный нами анализ общих стратегий перевода русских исторических реалий показал, что переводчики довольно редко опускают незнакомые реалии в переводе. По нашим наблюдениям опущение реалий применяется в 2,1% случаев у русских переводчиков и в 3,6% – у иностранных переводчиков.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что:

В рамках культурологического подхода к проблемам перевода признается, что перевод означает не только переход от одного языка к другому, но и от одной культуры к другой. Отсюда следует, что на решения, принимаемые переводчиком, большое влияние оказывают различия в социально-культурном опыте носителей ИЯ и ПЯ. Применительно к переводу важность учета прагматических аспектов обусловлена, в значительной степени, различиями в восприятии языковых единиц и речевых произведений носителями разных языков и культур, асимметрией их фоновых знаний.

Основу фоновых знаний составляют реалии. С точки зрения теории перевода реалии предстают как лексические единицы, называющие предметы и явления, характерные для жизни одного народа и не встречающиеся у других. Являясь носителями национального и исторического колорита, они обычно не имеют точных соответствий в других языках. Существенной предпосылкой для верной передачи реалий в переводе является знание переводчиком реалий ИЯ, верное представление о них.

Поскольку предполагается, что перевод должен воспроизводить коммуникативный эффект оригинала, культурные различия между двумя языковыми коллективами рассматриваются в теории перевода как факторы, вызывающие необходимость в прагматической адаптации текста перевода.

Для обеспечения прагматически эквивалентной передачи русских исторических реалий на английский язык используется опущение реалий. Причиной такого переводческого решения может быть, с одной стороны, невысокая функциональная значимость реалии в контексте, а с другой стороны, возможно, незнание переводчиком значения соответствующей русской исторической реалии.

Л и т е р а т у р а :

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы, категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3–43.
2. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М: Междунар. отношения, 1978. – С. 185–201.
3. Хайрулин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ...доктора филол. наук: 10.02.20 / В. И. Хайрулин – М., 1995. – 355 с.
4. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / Александр Давидович Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / Александр Давидович Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
6. Бунин И. А. Деревня // [В книге Бунин И. А. Повести и рассказы]. – М.: Моск. Рабочий, 1983. – С. 16–127.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2003. – 980 с.
8. Куприн А. И. Олеся // [В книге Куприн А. И. Олеся; Поединок; Гранатовый браслет]. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 3–30.
9. Пушкин А. С. Пиковая дама // [В книге Пушкин А. С. Капитанская дочка. Проза]. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 157–179.
10. Толстой Л. Н. Воскресение: Роман, Рассказы / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 3–446.
11. Тургенев И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М.: “Изд-во АСТ”, 2003. – 295 с.
12. Bunin I. The Village. Tr. by Olga Shartse // [In Bunin I. Stories and Poems]. – М.: Progress Publishers, 1979. – P. 50–191.
13. Dostoyevsky F. The Brothers Karamazov / [Tr. by Constance Garnett]. – N.Y.: The Modern Library, 1929. – 975 p.
14. Kuprin A. Olesya / [Tr. by S. Apresyan] // [In Kuprin A. The Garnet Bracelet]. – М.: Raduga Publishers, 2001. – P. 93–175.
15. Pushkin A. The Queen of Spades / [Tr. by Rochelle S. Townsend] // Russian Short Stories. – L.: Everyman's library; N.Y.: Dutton, 1958. – P. 3–37.
16. Tolstoy L. Resurrection. UT / L. Tolstoy. – N.Y.: Crowell, s.a. – 282 p.
17. Turgenev I. Memoirs of a Sportsman / [Tr. by Isabel F. Hapgood]. – Boston. N.Y.: The Jefferson Press., 1903. – 640 p.